

ВЕРНЕР ЗОМБАРТ - ИСТОРИК КАПИТАЛИЗМА

Вернер Зомбарт почти забыт немецким научным сообществом, которое редко вспоминает о том, что он, наряду с М. Вебером, Г. Зиммелем и Ф. Теннисом, является одним из основоположников социологии, что в 1920-е гг. он считался ведущим немецким экономистом, а его поздняя работа «Человек» относится к классическим произведениям философской антропологии. Отчасти это забвение связано с тем, что науки развиваются, концепции устаревают - кто читает сегодня позавчерашних «властителей дум», кто станет через пару десятилетий читать нынешних? Широкою известность Зомбарту принесли две работы: «Социализм и общественное движение в XIX веке» (1896) и «Современный капитализм» (1902); считается даже, что именно благодаря Зомбарту термин «капитализм» получил распространение в научном сообществе, т.е. за пределами пропагандистской литературы II Интернационала. Однако с тех пор и о социализме, и о капитализме написаны целые библиотеки. В области философии Зомбарт был явным дилетантом (в сравнении с такими представителями философской антропологии, как А. Гелен или Х. Плеснер), предложенный им вариант «понимающей социологии» сегодня никто не поставит вровень с трудами Вебера или Зиммеля. Наконец, экономическая наука говорит ныне на совсем другом языке, чем в начале XX в.

Однако забвение трудов Зомбарта в Германии связано и с тем, что о нем не слишком хотят вспоминать, не говоря уже о том, чтоб чтить его как «классика». Репутация немецкого националиста, враждебного прежде всего англосаксам, была достаточной причиной для того, чтобы «перевоспитанные» американцами не-

мецкие социологи и экономисты либо не упоминали о нем вообще, либо писали небывшие о «сотрудничестве с нацистами». Если открыть сайт Encyclopedia Britannica, то о Зомбарте можно прочесть следующее: «...немецкий историк-экономист, включивший марксистские принципы и нацистские теории в свои писания о капитализме» (German historical economist who incorporated Marxist principles and Nazi theories in his writings on capitalism). Для марксистов Зомбарт был и остается «предателем», либералы всегда считали его противником, поскольку начинал он с синтеза «исторической школы» с марксизмом, а затем стал не просто националистом (таковых хватало и среди либералов), но автором «Немецкого социализма». Так как эта книга вышла в 1934 г., то ее очень легко было истолковать как «нацистскую», что и делает подавляющее большинство авторов учебников по истории экономики и социологии (чаще всего саму книгу не читавших).

Так как в предлагаемое читателю издание входят работы Зомбарта, написанные в 1910-е гг., то мы затронем только одну сторону его творчества, а именно его трактовку возникновения капитализма. В кратком предисловии нет возможности хоть сколько-нибудь полно охарактеризовать контекст. Ограничимся указанием на то, что на ту же тему тогда писали такие мыслители, как М. Вебер, Ф. Теннис, Г. Зиммель, Э. Трельч, М. Шелер - они спорили друг с другом, с предшественниками (прежде всего с Марксом). Вопросы были поставлены самим обществом, переживавшим чрезвычайно быстрый слом институтов *ancien régime*, на месте которых возникали невиданные ранее в истории социальные структуры индустриального общества. Социология как наука появилась именно потому, что общество стало более сложным, непрозрачным, развивающимся по непонятным законам и в неведомом направлении. На середину XIX в. Германия была раздробленной на десятки мелких княжеств сельской страной с небольшими городами и замками феодалов; к началу XX столетия это было государство с мощной промышленностью, преобладанием городского населения, всеобщей грамотностью; она сделалась единой империей, ведущей борьбу за передел мира («за место под солнцем», как заявил германский канцлер) с другими империями той эпохи.

У этой охватившей весь мир, словами К. Полани, «великой трансформации» имелись предпосылки в европейской истории –

ведь только в Европе развитие общества пошло по этому пути, тогда как существовавшие тысячелетиями цивилизации Востока так и не перешли к индустриальному обществу. Именно выявление этих предпосылок составляет содержание тех работ Зомбарта, которые доныне не устарели - «Буржуа», «Роскошь и капитализм», «Война и капитализм», «Евреи и хозяйственная жизнь». Зомбарт остается одним из лучших историков становления капиталистической экономики, но как истинного историка его интересовали не только структуры и институты, но прежде всего люди, представители того «третьего сословия», которые неожиданно для самих себя «стали всем».

Как люди становятся буржуа, Зомбарт знал по истории собственной семьи. Согласно существовавшей в ней устной истории (или легенде) Зомбарты были выходцами из французских гугенотов, бежавших в Германию в конце XVII в. Отец, Антон Людвиг Зомбарт, был продолжателем славных дел кальвинистской «внут-римирской аскезы» или, иначе говоря, стяжательства во имя спасения. Типичный для эпохи грюндерства *self made man*, он сделался из землемера крупным землевладельцем и промышленником - своим четырем детям он оставил в наследство более миллиона марок. Антон Людвиг был известен как либерал, сторонник социальных реформ, был депутатом Рейхстага (1867-1878), но затем отказался участвовать в выборах, поскольку его партия постепенно отошла от заветов либерализма и вступила в союз с прусским юнкерством. Впрочем, совсем от политики он не отошел, оставаясь до 1893 г. депутатом прусского ландтага. Вернер был младшим из детей, он родился 19 января 1863 г. в Эрмслебене. Отношения его с отцом были сложные, с братьями и с сестрой он тоже почти не общался (братья были 1842 и 1843 гг. рождения, т.е. на 20 лет старше, сестра была старше на 13 лет). Что такое кальвинистская добродетель, он испытал лично: отец, по свидетельству современников, был человеком невообразимой скупости, постоянно повторявшим: «Богатым человек становится не тем, что он зарабатывает, а тем, что он не тратит». Неделями он не обменивался с сыном ни единым добрым словом, полагая, что суровое воспитание укрепляет характер и учит жизни.

Судя по всему, Вернера эта атмосфера просто подавляла, что сказывалось даже на учебе. Несмотря на раннюю любовь к чте-

нию, он посредственно учился, пока жил в семье, но с переходом в другую гимназию и жизнью в пансионе без родительской опеки он стал прекрасно учиться. Сегодня мы нередко слышим восторженные суждения по поводу гимназического курса, хотя и немецкая, и российская гимназия второй половины XIX столетия давала одностороннее и весьма неполное образование - древние языки, немецкая история и литература занимали основное место в программе, естественным наукам и математике почти не учили. В Германии сегодня чаще слышны критические высказывания «левых», донныне ведущих войну с гимназиями (сохранившимися ныне разве что в «реакционной» Баварии), а потому утверждающих, что в прусских гимназиях XIX в. учили прежде всего религии и патриотизму. Это столь же неверно, как и ностальгические восхваления того «гуманистического» образования, которое получало всего лишь 1-1,5 процента населения. Учили действительно неплохо и не забивали головы идеологическими штампами. Зомбарт за пару лет до окончания гимназии был атеистом и космополитом, то же самое можно сказать о многих старших и младших его современниках (скажем, Ф. Ницше или Э. Юнгере). Знание древнегреческой философии, римской истории, немецкой классической литературы было небесполезным приобретением для того, кто стал заниматься историей XVI-XIX вв.

После окончания гимназии возникли проблемы с легкими, а потому Вернер провел некоторое время в Швейцарии, а затем начал учиться в университете в Италии (Пиза). В Швейцарии он встретился со своей будущей женой (из немецкой семьи, жившей в Италии). В Италии у него возник конфликт с другими немецкими студентами из-за отказа участвовать в ритуальных попойках и дуэлях. На обвинение в трусости он ответил предложением стреляться, а не отделяться ударами рапир, оставляющих красивые шрамы на щеках; требования «кодекса чести» были тем самым соблюдены. В 1882-1885 гг. он учился в Пизе, Берлине и Риме, изучая, наряду с экономикой, право, историю и философию. Учителями в области экономики были виднейшие представители «исторической школы», Г. Шмоллер и А. Вагнер. В 1888 г. Зомбарт защитил диссертацию о хозяйстве римской Кампании под руководством Шмоллера. Часть текста диссертации стала первой книгой Зомбарта, которая привлекла к себе внимание специалистов.

Получив степень доктора, Зомбарт проработал пару лет в Бременской торговой палате, затем начал преподавать в Бреслау. Уже имевшаяся репутация «красного» воспрепятствовала ему в получении поста в более престижных университетах Фрайбурга, Гейдельберга и Карлсруэ. В 1896 г. вышла первая крупная работа Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX столетии» - по этой книге с марксизмом стала знакомиться образованная публика за пределами социал-демократической партии. Хотя в эту партию Зомбарт никогда не вступал, в те годы он печатался в социал-демократических изданиях и считался почти «своим». Известна оценка Энгельса, назвавшего Зомбарта единственным немецким профессором, сумевшим понять «Капитал»; в канон марксистских штудий вошло письмо Энгельса Зомбарту от 11.03.1895 г. В 1902 г. публикуется первое издание трехтомного труда «Современный капитализм», который принес Зомбарту широкую известность уже в академическом мире. В 1906 г. Зомбарт перебирается в Берлин, он преподает в Высшей школе торговли (в Берлинском университете ему чтение лекций воспрещено как «социалисту»). В это же время он вместе с М. Вебером начинает издавать первый немецкий социологический журнал «Архив социальной науки и социальной политики». В дальнейшем он принимал большое участие в институционализации социологии как науки, долгое время был президентом немецкого социологического общества. Близким другом Зомбарта был Ф. Теннис, он поддерживал неплохие отношения и с М. Вебером, хотя и в области теории, и в политике они были, скорее, оппонентами.

Вряд ли есть нужда в том, чтобы подробно рассказывать о личной жизни Зомбарта - о сложных отношениях с коллегами-экономистами, о славе Дон Жуана или о втором браке, о трудной жизни во времена Веймарской республики и в нацистском рейхе. Интересующимся этими деталями можно посоветовать прочесть книгу его сына Николауса Зомбарта, биографическое исследование Ф. Ленгера¹. Из свидетельств, касающихся личности Зомбарта, обратим внимание только на то, что характеризует его мирозерцание на то время, когда он писал свои труды о становлении капи-

---

¹ *Lenger Friedrich. Werner Sombart 1863-1941. Eine Biographie. - Mtinchen: C.H. Beck Vlg, 1994.*

тализма. Одна из слушательниц лекций Зомбарта, социалистка по убеждениям, написала роман, в котором персонаж - модный берлинский профессор, за которым с легкостью угадывается Зомбарт, произносит речи, которые выдают, скорее, нищеанца, чем социалиста. Буржуа интересен ему как наделенный особого рода vitalностью тип человека; он перевернул весь прежний мир, но ныне он сделался либо рантье, либо бюрократам в тресте. Рабочее движение привлекает такого нищеанца только потому, что в типе рабочего видна «свежая кровь», тогда как буржуазный мир стал невыносимо пошл и скучен. Но творили капитализм не скопидомы, а куда более интересные человеческие типы. Именно их мы обнаруживаем на страницах книг Зомбарта.

Строго говоря, марксистом Зомбарт никогда не был, но вплоть до Первой мировой войны он считался таковым и, скорее всего, сам себя зачислял в марксисты. Стоит заметить, что второе издание «Современного капитализма» (1916) существенно отличается от первого: хозяйственные и социальные отношения выступают как порождения определенного «духа», понимаемого, конечно, не в духе Гегеля, но исторической школы. Капитализм возникает вместе со сменой ментальности, основных установок людей, которые перестают следовать заданным традицией образцам, порывают с общинами (гильдиями, цехами), действуют на свой страх и риск, стремясь к индивидуальному обогащению. Новая ментальность одновременно заявляет о себе в бухгалтерских книгах, в интересе к математике и экспериментальному естествознанию, в архитектуре и в живописи.

Протестантизм был лишь одним из проявлений нового душевного уклада. Зомбарт вел полемику со своим другом М. Вебером не потому, что не признавал роли протестантской этики, но считал последнюю лишь одной из действующих сил в преобразовании Европы, которое длилось на протяжении трех столетий. Рядом с исповедующим кальвинизм лавочником или ремесленником оказываются такие фигуры, как захватывающие испанские галеоны английские пираты на службе Ее Величества, владельцы мануфактур, выпускающих порох и мушкеты для армий или кружева и батист для придворных дам, еврей-ростовщики и пытающиеся получить золото из свинца алхимики. Капитализм создавали грабители, откупщики, авантюристы и прочие маргиналы распадавшей-

ся средневековой системы - благочестивые трудоголики из протестантов были лишь одной из таких групп, пусть и самой многочисленной. История капитализма в России отчасти подтверждает эти тезисы Зомбарта: Строгановы и Демидовы мало чем напоминают святош, а духовные искания старообрядцев никак не связаны с лютеровским переводом Библии, в котором Veruf стало обозначать спасительную внутримирскую аскезу. Мануфактуры они стали создавать, поскольку были вытеснены на обочину и должны были выживать в условиях преследований.

Классическая политэкономия провозгласила «естественным» поведение «разумного эгоиста», рационально подбирающего средства для достижения своих целей. Homo oeconomicus в экономических теориях XIX века (да и в сочинениях сегодняшних неоклассиков) стремится к выгоде, а тем самым способствует общему благу, поскольку из эгоистических устремлений частных лиц «невидимая рука» рынка создает прекрасную гармонию, именуемую равновесием спроса и предложения¹. Зомбарт был наследником исторической школы, которая изначально не принимала эти тезисы. Если говорить о «естественном» человеке, то он принадлежит предшествующим капитализму формам сосуществования. Зомбарт был близок Теннису в оценке перехода от Gemeinschaft к Gesellschaft, но он не идеализировал докапиталистические общества и высоко ценил ту силу, которая за пару веков перевернула весь мир. Прежние общества следовали вековечным образцам, капиталистический мир живет конкурентной борьбой, ему присуще «творческое разрушение» - эту мысль Зомбарта разовьет в дальнейшем И. Шумпетер, который назвал эту созидательную и разрушающую силу «инновацией». Но для того, чтобы эта сила явилась в мир, она должна была переделать прежнего человека.

«Чтобы капитализм мог получить развитие, естественному, следующему влечениям человеку нужно было сначала переломать все кости; он должен был поставить на место первоизданной, изначальной жизни особым образом устроенный рациональный ду-

¹ Представления о поведении человека капиталистического общества как «естественном» развивались на протяжении нескольких столетий, но все же они являются сравнительно недавними. См.: *Дюмон Л. Homo Aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии.* - М., 2000.

шевный механизм, он должен был постепенно перевернуть все жизненные ценности. Homo capitalisticus представляет собой искусственное и искусное образование, являющееся следствием такого переворота»¹. Именно поэтому начинали «капиталистическую революцию» маргиналы, не находящие себе места в прежних иерархиях, остававшиеся на краю социальной жизни: как религиозные меньшинства, так и всякого рода хищники в человеческом обличий - работорговцы, пираты, владельцы плантаций в Вест-Индии и им подобные. Зомбарт их никак не идеализирует: нувориши всегда вульгарны, а потому в появляющейся культуре Нового времени были не только гениальные полотна и книги ученых, но и много всякого рода грязи. Переворот в мире ценностей привел к тому, что гордыня и алчность стали не грехами, а достоинствами. Но как и все представители «исторической школы», унаследовавшей от романтической историографии эстетический взгляд на историю, Зомбарт описывает многокрасочную картину становления нового общества. В капитализме он обнаруживает огромную жизненную силу, и так ли важно то, что у истоков ее стояли не слишком симпатичные нам маргиналы и преступники?

К такого рода маргиналам относились загнанные в гетто евреи. Зомбарт не соглашается с Марксом, видевшим в торгашестве светскую религию еврейства, он подчеркивает три черты национальной психологии евреев, которые сыграли свою роль в рождении «капиталистического человека», а именно «преобладание воли, эгоизм и абстрактный склад их ума». Книгу о роли евреев в сотворении капитализма хвалили сионисты, ее бранили как «антисемитскую» одни и как «филосемитскую» другие. Но мало кто из аплодировавших или освиствывавших обращал внимание на то, что

¹ *Sombart W.* Die Juden und das Wirtschaftsleben. - München und Leipzig: Duncker@Humboldt, 1913.-S. 281.

«Капиталистическая система ценностей, по сути, превратила пять из семи смертных грехов христианства - гордыню, зависть, скупость, алчность и похоть - в положительные общественные добродетели, видя в них неперемные побуждения ко всякого рода хозяйственной деятельности; а главные добродетели, начиная с любви и смирения, были отвергнуты как «вредящие делу» - не считая тех случаев, когда они делали рабочий класс более послушным и покорным хладнокровной эксплуатации». *Мамфорд Л.* Миф машины. - М., 2001. - С. 361-362.

для Зомбарта речь вообще не шла о том, что «евреи создали капитализм». Это явно противоречило бы фактам - капиталистические предприятия в Германии лишь в малой части принадлежали евреям, Круппы, Тиссенсы и Стиннесы были немцами. Для Зомбарта речь шла лишь об одной из тех групп, которые готовили машину капитализма к старту. Имелись и другие группы, из которых наибольший интерес для Зомбарта представляли владельцы мануфактур, обогащавшиеся за счет рождавшихся абсолютных монархий. Армиям были нужны пушки, порох, мушкеты, шинели - в работе «Война и капитализм» Зомбарт дает картину целых отраслей промышленности, возникавших за пределами цеховых ограничений. Другая его работа, «Роскошь и капитализм», начинается с провокационного заявления: «капитализм создала европейская самка (Weibchen)», с ее любовью к нарядам и к сладенькому, она способствовала тому, что рядом с военным производством появляются мануфактуры, выпускающие кружева, сахар, шоколад и т.п. товары, потребляемые сначала почти исключительно придворными дамами, но затем распространяющиеся среди провинциальных барышень, а потом и среди жен и дочерей буржуа.

Зомбарта не раз обвиняли в «психологизме», в том, что вместо «чисто экономического» анализа он отыскивает мотивы, не имеющие никакого отношения к ratio предпринимателей, недостаточное внимание уделяет изменениям технологии. Отчасти это верно, этим объясняются и некоторые явные просчеты Зомбарта, в частности, его пессимистическое видение ближайшего будущего капитализма, которое он связывал с замедлением инноваций в области техники. Но его можно считать и одним из тех авторов, которые подготавливали современный институционализм, для которого сами технические изобретения и инновации являются следствиями стимулов, приходящих не от экономики как таковой, но от многообразных социальных подсистем. Без юридической системы контроля за выполнением контрактов, без защиты прав собственности, технические новшества не внедряются; без системы образования, без заботы о культуре и искусстве чахнет и инженерная мысль. Нам все это хорошо знакомо на практике последних десятилетий: никакая «невидимая рука» не работает, пока нет тех людей, которые хотят и умеют действовать как рациональные производители, пока проще заниматься захватом и переделом, никто не

пользуется знаниями, почерпнутыми из самых лучших учебников. Социологи написали множество интереснейших исследований о тех институтах азиатских «драконов», которые способствовали десятилетиям быстрого роста - включая и исследования, опровергающие взгляды М. Вебера на конфуцианство и буддизм. Социальная реальность не делится по факультетам, а потому серьезным экономистом сегодня можно считать лишь того, кто знаком с социологией и психологией.

К психологии Зомбарт обращается и при рассмотрении следующего этапа, когда ментальность *homo capitalisticus* распространяется от маргиналов к более широким слоям. Люди разных стран и культур не в одинаковой степени одарены теми свойствами, которые потребовались новой системе отношений. В этой связи он писал о «специфическом таланте немцев к капитализму»: «Романские народы создали капитализм, германцы же заимствовали его от них и развили его в более высокие формы, значительно обогнав при этом своих учителей». Зомбарт связывает это не столько с физической силой, работоспособностью, выдержкой, сколько с такими чертами психологии, которые сложились под влиянием религиозной этики. «Ничто не поражает так южанина, путешествующего по областям скандинавской и в особенности немецкой культуры, как это терпеливое исполнение своих обязанностей во всех слоях населения, это само собой разумеющееся отработывание положенного урока, эта дельность во всем, эта скрупулезная добросовестность, которую ничем нельзя отвлечь от цели». Капитализму способствует талант специализации, «способность быть *дробным человеком*» - при содействии выдержки и дисциплины это дает «виртуозных частичных людей», примером которых являются методичные немецкие ученые и техники, инженеры и рабочие, занимающие свое место в системе разделения труда и функционирующие в этой системе подобно маленькому колесу в механизме.

Но именно то, что капитализм развивается в сторону механизации, все большего разделения труда, порождающего «частичных людей», было для Зомбарта знаком того, что «поздний капи-

---

Зомбарт В. Народное хозяйство в Германии в XIX и в начале XX века. - М., 1924.-С. 62.

тализм» обречен и сменится иной социальной системой. К марксистской утопии он относился с сомнением еще в ту пору, когда считался сторонником социал-демократии. Когда II Интернационал рухнул в окопы мировой войны, Зомбарт, как и большинство социал-демократов, стал поддерживать свою страну и армию. Но он пошел много дальше, сделавшись пламенным националистом. Его книга «Торгаши и герои» (1915) принадлежит к той публицистике времен Первой мировой войны, которая надолго испортила отношения между учеными мужами воевавших стран. Оскорбительных глупостей было наговорено много - достаточно вспомнить, что писали в то время русские философы (скажем, «От Канта к Круппу» В. Эрн). Французы и англичане писали о борьбе западноевропейской цивилизации с немецким «милитаризмом» и «варварством», немцы писали о борьбе с «азиатчиной» и «русским деспотизмом». Во всей этой публицистике интерес сегодня представляют только труды той группы немецких авторов, которые стали писать об «идеях 1914 года», противопоставленных «идеям 1789 года». Помимо воинственной патриотической риторики, тексты таких правых социал-демократов (Кунов, Ленш, Винниг), содержали концепцию государственного социализма, в которой образцом социально-экономического устройства была провозглашена плановая милитаризованная экономика Германии.

Наибольший интерес представляла книга И. Пленге «1789 и 1914. Символические годы в истории политического духа». Центральной мыслью Пленге было то, что война привела к истинной революции, причем революции социалистической. «Социализм есть организация», он предполагает плановое хозяйство и дисциплину, он кладет конец эпохе индивидуализма. Нация стала единым организмом, и это ведет к пересмотру представлений о свободах и правах. За лозунгами: «Свобода - в организации! Равенство - в организации! Братство - в организации!» стояла политическая теория, восходящая к «закрытому государству» Фихте и интерпретация марксизма в духе правого гегельянства. Государство как дифференцированная тотальность, плановая экономика, требующая уничтожения идей либеральной эпохи, - вот центральные положения этой теории.

Для Зомбарта эта оппозиция государственного социализма и либерального капитализма олицетворяется борьбой между Англи-

ей и Германией. Враги Германии говорят о борьбе «западной цивилизации» с «немецким милитаризмом», но в действительности речь должна идти о борьбе двух человеческих типов - торгаша и героя. Они вечно присутствуют в любой культуре, но как два доминирующих мировоззрения они самым отчетливым образом воплотились в Англии и в Германии. И английская философия от Бэкона до Спенсера, и английская политэкономия, и английская наука от Ньютона до Дарвина связаны с торгашеством. Даже на природу переносятся либерально-буржуазные представления, тогда как учение о государстве дает образ мещанской конторы. Меркантилизм присущ всей английской жизни, все войны ведутся ради прибыли, прикрываясь лицемерными словами о «правах и свободах». Английский социализм есть следствие подобного капитализма: положительный знак сменяется на отрицательный, но человек предстает в точности таким же - в духе утилитаризма и материализма.

Поэтому «война 1914 года есть война Ницше»; «немецкое мышление и немецкое чувство заявляют о себе прежде всего как решительное отрицание всего того, что хоть как-то напоминает английское, или западноевропейское вообще, мышление и чувство». Немец отвергает утилитаризм и эвдемонизм, идеи пользы и наслаждения во имя воли и духа, долга и преданности, самопожертвования и героизма. Немецкому духу присуще органическое представление о государстве, как о том панцире, который защищает народное тело. «Милитаризм» - это выражение ненавидящих Германию торговцев и купленных ими «демократических» писак. На деле речь идет о примате ценностей воина, героя. Война позволяет выявить эти высшие человеческие свойства. До войны торгашеская культура, буржуазное мировоззрение уже стали завоевывать мир своим стремлением к материальным благам и к комфорту. Однако богатство и комфорт не могут быть высшими ценностями жизни; там, где они делаются таковыми, жизнь неизбежно обречена на упадок. «Идеи 1789 года» антижизненны, поэтому против них идет «священная немецкая война», равно как против «интернационализма» торговцев, против «европейничанья» - не существует «европейца вообще», как не существует одного для всех стран языка - представители разных наций еще не дошли до того, чтобы говорить на каком-нибудь эсперанто.

Следует сказать, что Зомбарт в своей книге негативно высказывается о планах захвата территорий: ничего не нужно захватывать, никого не следует «германизировать»; историческая роль Германии заключается в том, чтобы быть дамбой на пути у грязного потока торгашества, готового захлестнуть весь мир. Разумеется, германская Realpolitik тех лет весьма отличалась от этих прокламаций, ибо речь уже тогда шла о «жизненном пространстве». Работа Зомбарта важна как этап не только его биографии (из лагеря марксистов - пусть самых умеренных - он переходит в лагерь последовательных националистов), но и в плане подготовки идеологии «консервативной революции». Внешняя оппозиция Англии и Германии переходит после войны во внутреннюю оппозицию капиталистического либерализма и «немецкого социализма». Противопоставление двух человеческих типов, проведенное Зомбартом, становится общим местом идеологов «консервативной революции». Например, Э. Юнгер в эссе «Рабочий» писал: «Существует два типа человека: первого мы узнаем по тому, что он готов торговаться любой ценой, тогда как второй готов любой ценой сражаться».

Написанные Зомбартом в 1920-1930-е гг. работы значительно менее интересны, чем труды по истории капитализма. Он становится идеологом, пишет несколько томов, в которых сводит счеты с «пролетарским интернационализмом» и марксизмом вообще. Жизнь в Веймарской республике была трудной: инфляция «съела» все накопления, на 1922 г. высшие чиновники (а к ним относились и профессора - тайные советники) получали лишь от четверти до трети своих довоенных доходов. А затем стало еще хуже.

Если в 1913 г. профессор получал в 7 раз больше зарплаты неквалифицированного рабочего, то в 1920-е гг. он получал лишь вдвое больше. Упали не только зарплаты - гонорары за книги, доклады, публичные лекции сократились в несколько раз, поскольку обнищала читающая публика. Многие именитые немецкие профессора выживали за счет того, что продавали за границу свои библиотеки. Библиотекой Зомбарта интересовались в Москве, но продал он ее в Японию. Деклассированная, пролетаризированная интеллигенция утратила не только прежний высокий статус, но и средства к существованию. Когда о нацистском движе-

нии пишут как об «антиинтеллектуальном», то чаще всего не отдают себе отчета в том, что из всех профессиональных групп в НСДАП наибольший процент составляли медики (их было больше всего и в отрядах штурмовиков), а студенческие союзы Германии стали нацистскими уже к 1930 г.

В эти годы Зомбарт попытался методологически обосновать свои работы по экономической истории - он обращается к социологии и философии. «Ноологическая социология» Зомбарта представляет собой разновидность «понимающей социологии», опирающейся прежде всего на идеи Дильтея и всего немецкого историцизма. Она интересна сегодня лишь небольшому числу историков социологии, поскольку некоторое значение сохранила лишь его критика натуралистической социологии («социальной физики») XIX века. Социология для Зомбарта есть наука, исследующая не каузальные, а смысловые связи в культуре. Психологическое понимание направлено на индивида, «ноология» есть наука о коллективных смыслах, присущих неповторимым историческим образованиям - сословиям и профессиям, полисам и нациям. Философская антропология Зомбарта заслуживает специального исследования; коротко говоря, им был предложен вариант «культурной антропологии», сходный с трудами таких мыслителей, как Э. Роткер и М. Ландманн.

Будучи одним из наиболее авторитетных экономистов Германии, да еще признанным знатоком марксизма, Зомбарт становится в 1920-е гг. ведущим автором «консервативной революции» в области экономики - статьи в лучшем журнале сделавшихся революционерами консерваторов «Die Tat» писались под несомненным его влиянием¹. Но именно поэтому совершенно бессмысленны обвинения Зомбарта в том, что он «сотрудничал с нацистами» - журнал «Die Tat» был рупором тех сил, которые стояли за последним канцлером Веймарской республики, генералом фон Шлейхером. Известно то, что последний пытался опереться на профсоюзы, расколоть НСДАП и не допустить Гитлера к власти (за это он был убит нацистами в 1934 г.). Вышедшая в 1934 г. книга Зомбар-

---

¹ Ведущий экономист и социолог этого журнала, Ф. Фрид, был учеником Зомбарта и развивал именно его идеи.

та «Немецкий социализм»¹ не имеет ни малейшего отношения к нацистской идеологии, нацисты препятствовали ее распространению, а студентам было рекомендовано не посещать его лекции.

Если вкратце охарактеризовать содержание этой книги, то капитализм в ней рассматривается как строительство Вавилонской башни: все большее количество товаров, механизмов, технологий сопровождается ростом власти международного финансового капитала, который эксплуатирует всю Землю и стирает с ее лица народ за народом. Происходит разрушение «органических стилей жизни» крестьян и ремесленников, затем национальных государств. Индивид считает себя все более независимым, но в действительности он делается сытым рабом, поскольку он сводится к двум ролям - пассивного потребителя и производительного «винтика» в гигантской машине. Труд утрачивает для человека всякий смысл, поскольку специализация разлагает сложные виды труда на элементарные, заменяет осмысленный труд частными операциями. Даже умственный труд механизмуется и становится частичным. Уничтожение природы, разложение и порча культуры, примитивизация форм жизни, становящихся тождественными по всему миру, - таков итог «капиталистической рационализации». Зомбарт и ранее отвергал идею саморегулирующегося рыночного хозяйства. Учитывая опыт мирового экономического кризиса 1929 г., он приходит к мысли о том, что эпоха либерального капитализма завершилась: цивилизация «золотого стандарта» рухнула, каждая страна должна опираться на собственные ресурсы, а это предполагает государственное регулирование экономики.

«Немецкий социализм» Зомбарта означает государственное планирование без полной ликвидации частной собственности, уменьшение роли финансового капитала, поддержку мелких производителей. Экономика переходит в режим автаркии, будучи закрытой для влияния международного капитала. Государственную поддержку получают прежде всего крестьяне и ремесленники, представляющие собой «почву» немецкой национальной жизни. Любопытно то, что особое внимание Зомбарт уделяет вопросам экологии - его можно считать своеобразным предшественником

---

¹ Werner Sombart: Deutscher Sozialismus. - Berlin-Charlottenburg: Buchholz&Weisswange, 1934

«зеленых». Нацистов в этой работе разозлили не столько антикапиталистическая риторика и полное отсутствие «расовой доктрины», сколько резкая оценка любых агрессивных планов - Зомбарт выступает как сторонник постепенного и мирного формирования европейской конфедерации. Иначе говоря, мы имеем дело с консервативной утопией, восходящей к замкнутому государству Фихте. Еще хуже нацистами была воспринята последняя книга Зомбарта «Человек», вышедшая в 1938 г., поскольку в ней он недвусмысленно подверг критике расовую доктрину. Нападки в прессе становились все более ожесточенными, вплоть до статей, в которых писалось о «еврейском происхождении» Зомбарта. Трогать члена Прусской и Баварской Академий Наук они не собирались, но последние годы жизни Зомбарт провел в неизвестности. Он умер 18 мая 1941 г. в Берлине

Зомбарт не создал какой-либо школы, его влияние (если не брать некоторых участников «консервативной революции») было опосредованным. Было бы неверно считать его одним из основоположников современного институционализма в экономической теории. Разумеется, Зомбарта внимательно читали И. Шумпетер и К. Полани. Любому читателю «Великой трансформации» Полани бросаются в глаза параллели с трудами Зомбарта. Значительным было воздействие его трудов не на экономистов и социологов, а на историков. Французская школа «Анналов» возникла под непосредственным влиянием Зомбарта. Помимо того, что концепция капитализма у Броделя непосредственно связана с «Современным капитализмом» Зомбарта, другой основоположник школы -Л. Февр развил историко-психологические идеи Зомбарта до теории «ментальностей». Хотя близкий этой французской школе немецкий социолог Н. Элиас лишь пару раз ссылаясь на Зомбарта, «Процесс цивилизации» и особенно «Придворное общество» Элиаса развивают те мысли, которые были изложены Зомбартом в работах «Роскошь и капитализм» и «Война и капитализм».

В конечном счете сегодняшнего читателя не так уж интересуют все эти «влияния» - любой мыслитель, будь он даже в высшей степени оригинальным, испытывал чье-нибудь влияние, но только эпигоны и начетчики держатся буквы и желают просто пересказывать мысли своих учителей. Никто не заставляет нас почитать Зомбарта, который был и не самым глубоким теоретиком, и

немецким националистом, но читать его до сих пор полезно - особенно в тех странах, которые испытали на себе все «прелести» государственного социализма, а теперь с немалыми трудностями возвращаются к рыночной экономике. Переживая заново эпоху первоначального накопления капитала, мы видим перед собой те же типы авантюристов и стяжателей, постепенно превращающихся в рациональных собственников и «частичных людей» капиталистической экономики.